

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЭМЫ П.Г.АНТОКОЛЬСКОГО «СЫН»

Хотя поэма «Сын» заслуженно считается лучшим произведением Антокольского и ей посвящено значительное количество работ, в ее изучении существуют заметные лакуны. Так, предметом специального внимания не становилась творческая история произведения. Задача данной статьи – в меру сил восполнить этот пробел. Как установил Л.Левин, работа Антокольского над поэмой «Сын» началась сразу после того, как поэт узнал о трагической потере. Запись в дневнике Антокольского, повествующая о страшном событии соседствует с первыми набросками будущего поэтического текста.

Однако наряду с творческой историей поэмы, у нее была и, так сказать, предистория. Начальные подступы к теме обнаруживаются уже в лирике Антокольского. В 1920 г. он написал стихотворение «На рождение младенца», тогда же напечатанное в журнале «Художественное слово» а спустя девять лет доработанное для сборника «Стихотворения» и в таком виде вошедшее во все последующие издания.

Стихотворение «На рождение младенца» дошло до нас в двух редакциях. Как отметил Л.Аннинский, этот сюжет был «учуян в 1920 году, додуман в 1929» [4, с. 153]. Им же был сделан первый анализ двух дошедших до нас редакций, который, однако, нуждается, на наш взгляд, в некоторых дополнениях и уточнениях. В первой редакции стихотворение начиналось строфой:

Дитя? Понимаешь ты? Вот он твой мир – златотронная школа,
Расплавленный глобус на вахте, скелеты и чучела тьмы.
Будь смелым, будь нищим, и жадно сквозь бред векового раскола
Разлейся в глаза первым встречным, и мертвым заройся в умы [1, с. 702].

Здесь господствует книжность, отвлеченно романтический антураж, столь характерный для молодого Антокольского. Все это уступает место потоку реалий внесенных в сознание поэта картинами действительности конца 1920-х – начала 1930-х гг.:

Модели, учебники, глобусы, звездные карты и кости,
И ржавая бронза курганов, и будущих летчиков бой...
Будь смелым и добрым. Тыходишь, как в дом, во вселенную в гости,
Она ворохами сокровищ сверкает для встречи с тобой [1, с. 51].

Та же тенденция в строфе о тех, кто выстраивает младенцу новый мир:

Матросы, ткачи, рудокопы, шпионы, застрельщики, вестники,
Полки, корпуса Белой Рассы друг друга зовут из-за гор,

В содружестве бурь всенародных и в жизни, и в смерти ровесники,
Недаром, недаром, недаром меж вами немой договор [1, с. 703].

В позднейшей редакции рудокопов заменяют инженеры, шпионов – шахтеры, а вместо полков Белой Рассы появляются «рабочие люди вселенной».

Отметив, что Антокольский свободно меняет фактурный ряд, сохраняя при этом ритм и тон, и общий план возводимого Дома, Л. Аннинский пронизательно связывает это с театральным строем мышления, так явственно жившем в сознании молодого Антокольского: «Он возводит жилье для рождаемого младенца, как возводят театральную декорацию: быстро, легко и уверенно, запросто меняя аксессуары, но твердо сохраняя общий план – то, что называется зеркалом сцены. Там, где предполагается оркестровая яма, высвечивается котлован для фундамента: разыгрываемая "действующими лицами" мировая и отечественная история» [4, с. 154].

Таким образом, проведенная доработка развивала и более совершенными стилистическими средствами выражала идею, сложившуюся уже в первоначальном варианте: рождение младенца знаменует его вхождение в огромный мир, огромный и в пространстве, и во времени. Естественно, главное место в ряду этих средств принадлежит гиперболам. Если в раннем варианте этот мир был «златотронная школа, / Расплавленный глобус на вахте, скелеты и чучела тьмы» [1, с. 702], то в окончательном это вся вселенная: «Тыходишь, как в дом, во вселенную в гости, / Она ворохами сокровищ сверкает для встречи с тобой [1, с. 51]. Место стиха «Полки, корпуса Белой Рассы друг друга зовут из-за гор» занял такой: «Рабочие люди вселенной друг друга зовут из-за гор». Ни о каких индивидуальных особенностях «младенца» и речи нет. Даже то, что он сын поэта подразумевается, но прямо об этом не сказано.

А в стихотворении «Мой сын» (1936) сказано уже самим заглавием. Здесь и какие-то черты внешнего облика («худой подросток»), и уже сегодня присущая ему широта восприятия мира:

Он слышит гул подземных руд,
Бетховенской сонеты клекот.
Он знает муравьиный труд.
И все, что близко иль далёко [1, с. 115].

Но главный предмет творческих раздумий поэта – будущее этого подростка. Стихотворение открывает сборник Антокольского «Тридцатые годы», которому предпослан грибоедовский эпиграф, в котором особенно значим стих: «Всё что-то видно впереди...». Поэт именно и стремится заглянуть в то, что «видно впереди» в судьбе его сына. Как и «младенца» из стихотворения 1929 г. его ждет соприкосновение со вселенной: «В уме вселенную держа, / Он вновь ее переиначит». Ему открыты все пути: «В нем спит кузнец, художник, рыцарь».

Эти пути ему открывает молодость, которая несется извилистым ручьём, пробивается в узловатых сучьях, «в прущей зелени, в свирепых / Побегав завтрашнего дня...». Неизвестно, сознательно или нет, но здесь под пером Антокольского воскресает образ из стихотворения Багрицкого «Весна»: «Пошла в наступленье свирепая зелень». И заканчивается стихотворение скептической строфой, содержащей призыв к сыну на своем празднике забыть отца:

Я ничего не значил.
Я – перечеркнутый чертеж,
Который ты переиначил,
Письмо, что ты не перечтешь [1, с. 116].

К работе над своей главной поэмой Антокольский, как уже говорилось, приступил как только узнал о трагическом событии, и ее первая редакция, состоявшая из семи частей и с подзаголовком «Повесть в стихах» появилась в журнале «Смена» (1943, № 4, с. 10-12). Результатом последующей работы стал текст, опубликованный через несколько месяцев в журнале «Знамя» (1943, № 7-8, с. 1-12). Здесь уже десять частей, последующая правка оказалась не столь значительной. Но окончательной принято считать редакцию, вошедшую в двухтомные «Избранные сочинения», выпущенные в 1956 г.

Движение поэтической мысли автора и динамика изменений, вносимых им в текст привлекали к себе внимание исследователей, но их работа не имела системного характера и большей частью сводилась к фиксации отдельных, выборочных моментов. Необходимость вернуться к указанной проблеме и ликвидировать остающиеся лакуны обостряется тем, что единственное научное издание Антокольского не имеет отдела «Другие редакции и варианты», а номера «Смены» и «Знамени», вышедшие в разгар войны, когда территория Украины была оккупирована, стали библиографической редкостью и практически недоступны ни читателям, ни исследователям.

Когда Антокольский перерабатывал текст, напечатанный в «Смене», первые три главы не претерпели существенных изменений. Четвертая, пятая и шестая были преобразованы, существенно расширены и перестроены и превратились в шесть глав: с четвертой по девятую. Что же касается заключительной, десятой главы окончательного текста, самой короткой, но заслуживающей того, чтобы признать эти пять строф, эти двадцать стихов вершиной всего творчества Антокольского, то этого поэтического реквиема в первой редакции не было вообще, что, конечно, решающим образом влияло на то, как должны были воспринять произведение его первые читатели, и насколько обедненным было это восприятие в сравнении с тем, которое получили читатели редакции, опубликованной в «Знамени» всего лишь через три-четыре месяца.

Первоначальная четвертая глава была значительно расширена и разделена на четвертую и пятую. Границу между ними Антокольский провел предельно четко, двумя стихами, отсутствовавшими в раннем варианте: Так проходил наш праздник. На рассвете,
В четыре тридцать началась война [1, с. 564].

Соответственно теперь в эту главу вошли воспоминания о сыне, относившиеся к довоенному периоду. Тем не менее она увеличилась в объеме, со 104 до 140 стихов. Введен, например, фрагмент, призванный показать разносторонность интересов одаренного юноши, которого одновременно притягивали и живопись, и музыка:

Холст грунтовать? Писать сиеной, охрой
И суриком, чтобы в мазне лучей
Возник рассвет, младенческий и мокрый,
Тот первый на земле, еще ничей?
Или рвануть по клавишам, не зная
В глаза всех этих до-ре-ми-фа-соль,
Чтоб в терцинах запрыгала сквозная
Смеющаяся штормовая соль?.. [1, с. 561].
Антокольский сохранил строфу ранней редакции:
Идут года – тридцать восьмой, девятый
И пограничный год, сороковой,
Идет зима, вся в хлопьях снежной ваты,
И вот он, сорок первый, роковой [1, с. 562].

Но прежде за ней следовал уже тот отрезок короткой жизни Владимира Антокольского, который пролегал с начала войны до дня его смерти. В последней редакции продолжен рассказ о довоенных событиях: как после окончания десятилетки юноша «шатался об руку» с отцом по Москве, жадно любовался полотнами Гогена и «разубранной, как для торжества» столицей, отмечал праздник в грузинском ресторане, и у его отца было ощущение, что не мальчика он «вел, а ПОЛУБОГА / В открытый настежь мир». Весь этот продолжительный, эмоциональный, выдержанный в восторженном тоне рассказ призван создать ощущение острого контраста с той атмосферой бедствий, крови и гибели, в которую внезапно оказался брошен вчера еще благополучный и счастливый мир.

Вторую половину прежней четвертой главы Антокольский тоже увеличил в объеме, но не так значительно, как первую – на 8 стихов. Но сохранен очень выразительный, исполненный глубинного трагизма финал – прежней четвертой главы, нынешней пятой. Отец разглядывает рисунок, оставленный на полях тетрадки, куда сын, учась в военной школе, сын вписывал «закон артиллериста, / Святую математику огня». Сюжет рисунка неожиданный, но объяснимый: в нем слились мирное вчера и военное

сегодня: «...Дворец / В венецианских арках. Тут же рядом / Под кипарисом пушка». И отец пытается проникнуть в мысли сына:

В какой задумчивости смутным взглядом
Смотрел он на рисунок свой простой?
Какой итог, какой душевный опыт
Здесь выражен, какой мечты глоток?
Итог не подведен. Глоток не допит.
Оборвалась и подпись:

«В. Анток...»

Шестая глава окончательного текста в редакции «Смены» отсутствовала полностью. О том, почему Антокольский при доработке поэмы ощутил ее необходимость, можно судить лишь предположительно, и подтверждение возникающих гипотез следует искать в тексте. Смысл этой главы в том, чтобы подчеркнуть - образ сына типичен, что таких, как он, было много. Сначала речь лишь о том, что таких было много среди московских школьников или вчерашних школьников, посланных райкомом комсомола копать противотанковые рвы: «Шли многие ребята / Из Пресни, от Кропоткинских ворот, / Из центра, из Сокольников, с Арбата».

Потом масштаб стремительно ширится, выясняется, что таких, как он, кого-нибудь «из наших сыновей» можно было встретить «на Черном море или на Ла-Манше, / На всей планете солнечной твоей», что этот «смуглый школьник» лишь один из тех, кто «рос на планете, где бушуют войны, / И грудью встретил свой железный век». «Уже он был жандармом схвачен в Праге, / Допрошен в Брюгге, в Бергене избит». Он один из подростков мира, за которыми охотятся гестаповские шпики, ибо «в их черном списке все подростки мира, / Вся поросль человеческой весны. / От Пиреней до древнего Памира...». Его догоревшая молодость клубится «горячим пеплом всех сожженных Библий, Всех польских гетто и концлагерей».

И в резком контрасте со всем предшествующим текстом главы мы видим в ее предпоследней строфе, что Антокольский возвращается от судеб миллионов таких же юношей, рассеянных по всей земле, от Ла-Манша до Пиреней, от Москвы до Памира к одной единственной судьбе, судьбе того, кому не в Праге, не в Бергене, не в Брюгге, а «в районе Жиздры, западней Орла» «навсегда постлана постель». Как подлинный художник, Антокольский сумел увидеть судьбу одного человека как подобие миллионов в чем-то сходных судеб и вместе с тем в ее трагической особенности и несопоставимости. Не это ли стало ведущим побуждением к написанию этой главы и введению ее в окончательный текст?

Седьмая глава последней редакции в целом соответствует тексту пятой главы, напечатанное в «Смене». Главное отличие: после стиха «Он смотрит и не смотрит на часы» Антокольский сделал купюру и обозначил ее двумя рядами точек. Позднее эта купюра была ликвидирована и введены (или восстановлены?) шестнадцать стихов: от «Сегодня в ночь я сына провожаю»

до «Я ровно в десять сына упросил». На сюжетное построение главы эти стихи существенно не влияют, главное в них – спор: сын просил его не провожать, но «отец взмолился» и добился своего. Главное, что в обеих редакциях детально воспроизведены обстоятельства, сопровождавшие отъезд, слова, поступки обоих и четкий переход от описания судьбы сына как одного из миллионов к судьбе неповторимо индивидуальной – судьбе одного, только этого человека.

Восьмая глава почти без изменений повторяет шестую ранней редакции. Обращают на себя изменения в строфике, но не исключено, что они были вызваны не авторским замыслом, а техническими условиями, в которых печаталась «Смена». Зато седьмая была полностью исключена и заменена девятой с совершенно другим текстом, за которым следовала, как уже говорилось новая десятая. Таким образом, если начало поэмы Антокольского в основном устроило, то ее окончание он переработал полностью. Приводим полный текст седьмой главы, которой завершалась редакция, напечатанная в «Смене», и потому, что он запечатлел важный этап творческой истории произведения, и потому, что сегодняшнему читателю он практически недоступен.

Пылает в тучах небо фронтовое.
Кружится снег. Опять летит весна.
Но на земле мы вечно будем двое, –
Отец и сын, не знающие сна.

Не вырвать ни одной сыновней жизни
Из материнских и отцовских рук.
Хлынь, юная. Снопам света брызни,
И рядом встань. И оглянись вокруг.

Все та же ты. Все та же, не чужая,
В защитной гимнастерке молодежь.
Сто тысяч раз тебя я провожаю.
Сто тысяч раз навстречу ты идешь.

Не знаю, где, – но очень близко где-то
Пробилась к свету, будущим дыша, –
Особенная, ни в отца, ни в деда,
Твоя мужская, стойкая душа.

Ты – это каждый в юном поколении,
Взращенный в счастье, вскормленный трудом,
Не знавший одиночества и лени
Любивший школу, родину и дом.

И вот встают в строю неистребимом

Любимые, чужие сыновья.
 Встают на смену сыновьям любимым –
 Во имя правды, большей, чем моя [2, с. 12].

Не будем забывать, что эта глава мыслилась Антокольским как последняя, завершающая поэму. И завершить ее он хотел мыслью, пронизывающей приведенные строфы, – что и сама смерть не может разлучить сына с любящим отцом: «мы вечно будем двое», «не вырвать сыновней жизни из отцовских рук», «сто тысяч раз навстречу ты идешь». Отзвук этой мысли мы видим в предпоследней главе окончательной редакции, с небольшим, но значимым изменением повторены два стиха. Было: «...мы вечно будем двое, / Отец и сын, не знающие сна». Стало: «...на земле **вас** (Выделено нами. – С.З.) будет вечно двое / Сын и отец не знающие сна». Но в целом она как бы отодвинута на второй план и заслонена другими.

Хотя девятая глава в сравнении с прежней седьмой была по существу написана наново, она восприняла от своей предшественницы функцию завершения и обобщения. Все остальные главы, за исключением третьей, насыщены конкретикой, воспоминаниями о сыне, воссозданными до малейших деталей: как проходило его детство, чем увлекался, как провели последний мирный день, учеба в военной школе, проводы на вокзал, роковая пуля, последняя минута жизни, как она рисовалась воображению отца. Ни в прежней седьмой, ни в нынешней девятой этого нет – здесь размышления, проистекающие из сознания всего, что было.

В ходе этих размышлений Антокольский как бы возвращается к своему давнему стихотворению «Мой сын» и пересматривает его концовку. Тогда ему казалось, что переживший его сын забудет отца: «Я – перечеркнутый чертеж...». Но действительность сложилась иначе: «Не сын тебе, а ты ему наследник. / Вы поменялись местом, он и ты». Приходит осознание того, что судьба его единственного и неповторимого Вовы – это судьба многих: «Со всей Москвой ты делишь траур. В окнах / Ни лампы, ни огарка».

Здесь уместно напомнить, что наряду с редакцией «Смены» и окончательной, которые мы сопоставляли до сих пор, существовала еще и промежуточная, опубликованная в 1943 г. в «Знамени». Отличия ее от окончательной не столь значительны, можно сказать, единичны, но на том, которое мы видим в рассматриваемой главе, нельзя не остановиться. После стиха: «Шрапнельный визг. Железный гул судьбы шли строки:

Враг опозорил землю Украины,
 Сжег Новгород, приполз под Ленинград.
 Холма, леса, и реки, и равнины
 О мщении друг с другом говорят.

О мщеньи? Да, о мщеньи. Так и надо...

И далее текст промежуточной редакции совпадал с текстом окончательной. Таким образом, вначале речь шла о мщении за все беды, которые принесли гитлеровцы на советскую землю, за Украину, за Новгород, за Ленинград, и не сам он приходит к этой мысли, а об этом говорят реки равнины. Но потом, по-видимому, счел этот антураж излишне официозным и плакатным и заговорил о мщении как внутренней потребности, о мщении не за все и всех, а за своего Вову. Это он, именно он, спрашивает себя: «Так, значит, мщение?» и отвечает: «Мщение! Так и надо». Не упустим из виду, что только здесь после слова «мщение» появляется восклицательный знак.

Так, значит, мщение? Мщение! Так и надо.
 Чтоб сердце сына смерть переросло.
 Пускай оно ворвется в канонаду.
 Есть у сердец такое ремесло [1, с. 573].

Здесь очень значимо используемое поэтом множественное число «у сердец», как и прежде «в окнах». В первой редакции были строки, в которых чувство к сыну прямо распространялось на его сверстников, на всю

в защитной гимнастерке молодежь.
 Сто тысяч раз тебя я провожаю.
 Сто тысяч раз навстречу ты идешь [2, с.12]

«Ты – это каждый в юном поколении», «любивший школу, родину и дом», и теперь чужие сыновья идут тебе на смену «во имя правды, большей, чем моя», т.е. чем правда моей утраты, моего горя. Так должна была заканчиваться поэма. В окончательном варианте Антокольский эту мысль даже развил и усилил, добавив, что у него нет права «ни на какую / Особую отдельную тоску», то от намерения завершить этим поэму отказался и добавил еще одну главу, самую короткую и целиком посвященную излиянию именно своей, «отдельной тоски».

9 июля 1944 г. Антокольский как бы продолжил свою поэму небольшим стихотворным фрагментом. Он не был завершен, не попал в собрания стихотворений поэта и остался обойденным вниманием как читателей, так и исследователей. Представляется, поэтому, не лишним напомнить этот текст.

Любимый, единственный, вечно живой
 Ребенок моей высоты
 Ты гибнешь на линии передовой
 И снова рождаешься ты.
 И снова по гребню вселенной ползут
 Проклятые цепи времен
 И тлеет трава, где раздет и разут,
 Где голый ты похоронен

И нету исхода твоей чистоте
 Твоей наготы ледяной...
 А все остальные? А юноши те
 Встающие насмерть стеной
 На линии фронта, в горниле огня?
 Что я им скажу о тебе?
 Что я им скажу, если нет у меня... [3, с. 179-180]

Литература

1. Антокольский П.Г. Стихотворения. Поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982.
2. Смена, 1943, № 4.
3. Антокольский П.Г. Проза о войне // Вопросы литературы, 1985, № 5.
4. Аннинский Л. Павел Антокольский: Небыль сама превращается в быль» // Литературная учеба, 2003, кн. 4, с. 151-164.

Аннотация

Зубенко С.А. Творческая история поэмы П.Г. Антокольского «Сын».

В статье прослежена творческая история поэмы П.Г. Антокольского «Сын», показано созревание будущего эпического произведения в лирике поэта, сопоставлены редакции поэмы, публиковавшиеся в журналах «Смена», «Знамя» и окончательный текст, появившийся в «Избранных стихотворениях» (1956).

Ключевые слова: творческая история, поэма, лирика, поэт, стихотворение, редакция, текст

Анотація

Зубенко С.О. Творча історія поеми П.Г. Антокольського «Син».

У статті простежено творча історія поеми П.Г. Антокольського «Син», показано дозрівання майбутнього епічного твору в ліриці поета, зіставлені редакції поеми, що публікувалися в журналах «Зміна», «Знамя» і остаточний текст, який з'явився в «Вибраних поезіях» (1956).

Ключові слова: творча історія, поема, лірика, поет, вірш, редакція, текст

Abstract

Zubenko S.A. The creation history of the poem by P. Antokolskiy "The Son".

The article has traced the creation history of the poem by P. Antokolskiy "The Son", the maturation of the future epic work in the poet's lyric has been shown, the different editions of the poem, published in the journal "Zmina",

"Znamya" and the final text, which appeared in the "Selected Poems" (1956) have been compared.

Keywords: creative story, poem, poetry, poet, poem, edition, text